

TK

W6

ЖУРНАЛ
 ЛИТЕРАТУРНО
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 ЖИЗНЬ
 ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ

№ 6

НЕБОЖИТЬ

г. ТАМБОВ.
 1990-1991 гг.

№ 6

Луна или утренний снег
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел
Вот так и кончаю год

На вопрос: что есть "Неофит" – явился ответ: ещё один
орган чувств

Сейчас он напоминает о молчании накануне

Что будет с ним ?
Может стать невидимым

В 1991 году исполнится 100 лет со дня
кончины Елены Петровны Блаватской

В этом году будет напечатана
"Роза Мира" Даниила Андреева

Что ждёт нас ?

Полёт над пропастью и поэтому, если

Спросят: как перейти жизнь ?
Отвечайте: как по струне бездну –
Красиво, бережно и стремительно

Прежде чем Вы ознакомитесь со своего рода хроникой противощерковных движений в Тамбовской губернии /нач.Х1Х – нач.ХХ вв./, мы хотели бы объяснить свой интерес к этой публикации. Сам формат журнала и его предыдущая проблематика, отнюдь не способствуют тому, чтобы заводить дополнительно раздел раритетов, однако, задуманное теперь нами освещение жизни и судеб губернских сектантов более чем уместно.

Вся публикация будет состоять из двух частей, каждая из которых имеет свою особую проблематику, однако, наша задача показать очевидную общность процессов при образовании движений и сект, хронологически и идеологически не связанных друг с другом.

Часть 1. Противощерковные движения в Тамбовской губернии.

а/ Отрывок из книги И. И. Дубасова .

б/ Комментарии и рассуждения .

в/ Специфика п/ц движения на Тамбовщине /заключительная статья/ .

Часть 2. Неосектантство конца ХХ века. Проблематика, идеология.

А. Ушаков

СЕРГЕЙ БАРАНОВ "ПУТЬ"

Противоцерковныя движенія въ Тамбовской губернии!

Съ половины XVII вѣка Тамбовскій край начинаетъ обращать на себя правительственное и общественное вниманіе разнообразіемъ и силою мѣстнаго раскола и сектъ. Съ теченіемъ времени это мистико—раціоналистическое и обрядовое свословіе² религиозной мысли все развивалось и усиливалось и такимъ образомъ Тамбовская губернія въ настоящее время стала наконецъ такимъ краемъ, въ районѣ котораго по преимуществу выразилась рознь національно—религиознаго сознанія.

Край нашъ издавна изобилуетъ раскольниками обоихъ толковъ и особенно сектантами: молоканами, духоборцами, субботниками, шелапутами, хлыстами и скопцами.³ По мнѣнію изслѣдователей русской религиозно—отреченной жизни, въ Тамбовской губерніи сосредоточиваются скопческіе и хлыстовскіе капиталы. Слѣдовательно изученіе Тамбовскихъ противоцерковныхъ⁴ движеній составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашей церковно—исторической науки.

Въ Тамбовскомъ краѣ по одни крестьяне и имъ подобныя простые люди увлекались борьбою противъ господствующей церкви. Въ концѣ XVII столѣтія во главѣ мѣстнаго противоцерковнаго движенія стояли первые Тамбовскіе епископы, Леонтій и Игнатій, оба фанатики старообрядства и послѣдователи извѣстнаго Талицкаго *). А въ началѣ XVIII столѣтія у насъ возможны были и такія явленія, какъ наприм. публичный, среди базарной площади, протестъ Трегуляевскаго монаха Самуила Выморкова противъ Петра I-го, какъ антихриста.

Широкое развитіе сектантства въ Тамбовской епархіи свидѣтельствуетъ о томъ, что Тамбовское народонаселеніе всегда отличалось чуткостью къ религиознымъ вопросамъ, хотя понимало ихъ весьма узко и наивно.⁴ Поэтому—то наши крестьяне и крестьянки нерѣдко всю жизнь перекочевывали изъ монастыря въ монастырь, мѣряя всю русскую землю своими неутомимыми ногами. Въ особенноти формально—аскетическая жизнь практиковалась Тамбовскими крестьянками, по малое число которыхъ составляло всегда особый классъ свободныхъ монахинь или черницекъ.⁵ Институтъ этихъ черницекъ, безъ всякаго сомнѣнія, служилъ сильнымъ прецедентомъ для ложнаго развитія религиозныхъ помысловъ Тамбовскаго народонаселенія, протестовавшаго противъ разныхъ несовершенствъ государственной, общественной и церковной жизни.

А что у Тамбовскихъ сектантовъ недовольство условіями жизни⁶ сильно и постоянно выражалось, на это есть масса документальныхъ доказательствъ. Въ поясненіе этой мысли приводимъ слѣдующій фактъ, одинъ изъ многихъ, ему подобныхъ.

Утромъ 16 апрѣля 1803 года къ квартирѣ Тамбовскаго губернатора Палицына подъѣхалъ крестьянинъ—духоборецъ Зотъ Мукосѣевъ.

— Дома ли губернаторъ? спросилъ онъ у часоваго солдата Князева.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома,—отвѣтилъ Князевъ.

— Такъ доложите обо мнѣ губернаторшѣ, продолжалъ Мукосѣевъ,—я привезъ гостиниоцъ.

Губернаторскій дворецкій Кузьминъ подошелъ было къ возу и хотѣлъ посмотрѣть, что тамъ за гостиниоцъ, но Мукосѣевъ отстранилъ его, распрягъ лошадь и верхомъ на ней уѣхалъ, а подводу оставилъ у губернаторскаго крыльца. Разумѣется, губернаторскіе дворовые поспѣшили раскрыть возъ и увидѣли тамъ мертвое тѣло, покрытое синебагровыми пятнами и рубцами. То было тѣло одного духоборца, застѣннаго чинами земской полиціи.

Мукосѣева догнали, привели въ полицію и стали допрашивать. Вотъ что показала онъ на этомъ допросѣ.

«13-го апрѣля крестьянинъ Ермаковъ приволокъ ко мнѣ родного брата моего Сергія, а за ними шло много людей. Братъ мой едва стоялъ на ногахъ и его держали подъ руки. Уложилъ я Сергія на полати и тутъ мнѣ сказали: твой братъ боленъ отъ наказанія, сдѣланнаго ему публично съ прочими нашего села духоборцами, а наказывавъ ихъ за вѣру застѣдатель фонтъ-Меникъ.⁷ На другой день пошелъ я провѣдывать наказанныхъ, между прочимъ зашелъ къ Петру Дробышову, а онъ ужъ былъ мертвъ и при немъ сидѣлъ маленькій сынъ его и плакалъ. Тогда я взялъ мертвое тѣло Дробышова и поѣхалъ съ нимъ къ губернатору просить защиты».

По поводу этого дѣла губернаторъ Палицынъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

«Всему семейству моему,—писалъ онъ,—за небытіемъ моею въ домѣ причинено крайнее смятеніе, обида и великое оскорбленіе».

По обыкновенію стали производить послѣ всего этого слѣдствіе, во время котораго обнаружались такіе факты. Фонтъ-Меникъ наказывавъ духоборцевъ нещадно.

Онъ принуждалъ духоборческихъ дѣвушекъ цѣловать его, а съ ихъ отцовъ и братьевъ производилъ большіе поборы, такъ что однихъ крестьянскихъ кушаковъ набралъ на 80 рублей. Но, не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ еще 100 рублей, угрожая за недочу тутомъ и ссылкою. Это было въ селѣ Красной Дубровнѣ. Краснодубровцы почему—то не могли выплатить фонтъ-Менику требуемой суммы. Поэтому грозный застѣдатель Тамбовскаго земскаго суда началъ съѣчь всѣхъ духоборцевъ названнаго села. Съѣченіе производилось въ три плети и было на столько жестоко, что двое высѣченныхъ умерли на мѣстѣ.

Къ слѣдствію вызванъ былъ врачъ Друговъ. Ему поручено было осмотрѣть трупы застѣнныхъ и дать объ нихъ свое заключеніе. Заключеніе его выражено было въ слѣдующихъ словахъ: «наказаніе духоборцамъ дано соразмѣрное и умерли они вѣроятно отъ ядоприятія, отъ какаго могли произойти и синебагровыя пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ»⁸.

Дѣло это кончилось тѣмъ, что многихъ Краснодубровскихъ духоборцевъ еще высѣкли плетями и сослали въ Кольскій уѣздъ. Но мира въ Красной Дубровѣ все-таки не добились. «Вашего чтенія и чтенія,—говорили чинамъ полиціи оставшіеся духоборцы,—мы ни за что слушать не будемъ»⁹.*).

Приступая теперь къ изображенію прѣблывшихъ фактовъ Тамбовской противоцерковной жизни, мы прежде всего обратимъ вниманіе читателей на тѣхъ мѣстныхъ религиозныхъ фанатиковъ и мистиковъ, которые, не уклоняясь отъ единства съ православною церковію, въ то же время отличались своею эксцентричностью, переходившею иногда въ совершенный и ловко рѣсчитанный практицизмъ.¹⁰

*). Епископъ Леонтій былъ на Тамб. воеводѣ съ 1682 г. по 1684 г. Епископъ Игнатій—съ 1698 по 1699 годъ. Съ этого времени и до 1768 г. назв. епархіи своего епископа не имѣла и управлялась Московскою Синодальною конторою.

*). Слѣдственное дѣло о Краснодубровскихъ духоборцахъ хранится въ архивѣ Тамб. губ. правленія.

Въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія въ селѣ Двурѣчкахъ, Липецкаго уѣзда, проявился пѣкто Агафонъ, старый и большой крестьянинъ. Въ народѣ ходила про него молва, что онъ *святой угодникъ Божій, совершающій великія чудеса*, и вотъ въ хату мнимаго чудотворца, въ сущности весьма ловкаго проходимца, повалили разные люди; мужья шли къ нему отъ женъ, жены отъ мужей, сыновья и дочери отъ отцовъ и матерей и всѣ они находили у старца Агафона вѣрный пріютъ и жили сообща. Особенно горячилъ приверженцемъ святоши оказался крестьянинъ Пронинъ, который по смерти своего патрона съумѣлъ нажить себѣ отъ *благочестивыхъ жертвователей* двухъ-этажный домъ съ многочисленными пристройками. Въ 60-хъ годахъ этотъ Пронинъ принялся даже хлопотать объ открытіи въ его собственномъ домѣ женской общины подъ управленіемъ *богоугодной дѣвочки Матрены, бывшей послушницы великаго угодника Агафона*. Въ такомъ смыслѣ поданы были прошенія епархіальному архіерею и Московскому митрополиту. Въ нихъ ловкій и начитанный грамотѣй указывалъ между прочимъ на разные пророчества Агафона. «Старецъ Агафонъ,—писать онъ,—передъ самою праведною кончиною изрекъ мнѣ: послѣ смерти моей черезъ годъ сосѣди хотя васъ и дерзнутъ, но за то Господь накажетъ ихъ пожаромъ... На счастье Пронина въ тотъ годъ въ селѣ Двурѣчкахъ были пожары и ловкій преемникъ Агафона объявилъ это гнѣвомъ Божиимъ за то, что Двурѣченскіе обыватели мѣшали ему завести общину. Кромя прошеній, Пронинъ составилъ *жизніе угодника Божія Агафона* и отослалъ его къ Тамбовскому архіерею. Вотъ краткое извлеченіе наиболее существенныхъ чертъ изъ этого *жизнія*.¹¹»

«Въ 18 верстахъ отъ города Липецка есть село Двурѣчки. Въ немъ—то 13 лѣтъ сряду подвизался во славу Божию и окончилъ тяжкое бремя сей временной жизни дивный угодникъ Божій, великій старецъ Агафонъ, богоугодная жизнь котораго за три года до его отшествія ко Господу стала вѣдома мѣстнымъ и околнымъ жителямъ. Старецъ сей многимъ предсказывалъ будущее и часто обличалъ даже и тайные помыслы. Когда и, Семень Пронинъ, въ первый разъ пришелъ къ отцу Агафону, онъ открылъ мнѣ всѣ мои тайные помыслы и взялъ меня къ себѣ въ послушники. Я вздумалъ было воспротивиться сему благословенію старца и за это подвергся нападенію силы вражьей; которая не давала мнѣ ни днемъ, ни ночью покоя. Послѣ того опять пошелъ я къ старцу и онъ встрѣтилъ меня въ снѣгахъ слѣдующими словами: вотъ, Сеня, ты не хотѣлъ ко мнѣ идти, такъ я повелѣлъ врагамъ пригнать тебя, вѣдь мнѣ старцу о имени Господа Иисуса враги и то повинуются! Тогда я остался у него и былъ при немъ до самой блаженной его кончины. И разные люди узнали про меня и идутъ ко мнѣ мужчины и женщины, которые изрѣдка и теперь чувствуютъ усладительное благоуханіе на мѣстѣ кончины старца. Старецъ Агафонъ при жизни своей между прочимъ сказалъ мнѣ: не забудь моего мѣста, живи на немъ, и если изъ тѣхъ лицъ, за кого я былъ распятъ и крови и слезы пролилъ, оставить мое мѣсто, то ихъ накажетъ Господь тѣмъ, что нигдѣ не дастъ дыханія. И вотъ и, усердный Агафоновъ ученикъ, всѣ труды свои прилагаю, чтобъ устроить обитель.»

Защитная свое дѣло передъ духовными властями, Пронинъ обнаружилъ большое знаніе текста священнаго писанія и этимъ знаніемъ довольно ловко умѣлъ пользоваться. Зачѣмъ,—спрашивалъ онъ,—насъ преслѣдуютъ и ненавидятъ? Вѣдь любовь не ищетъ своихъ си, она долготерпитъ, милосердствуетъ, не безчинствуетъ, не раздражаетъ, не мыслитъ зла, все покрываетъ, всему вѣритъ. Въ этомъ заключается весь законъ и допѣ христіанина!¹⁴

«Становой,—продолжаетъ далѣе Пронинъ,—разоряетъ нашу общину и всѣхъ насъ разгоняетъ, но онъ не зна-

еть, что Господь въ святомъ евангеліи повелѣваетъ не только оставить свои дома, но даже и своихъ отцовъ, матерей, братьевъ и женъ».

Иакоживши Тамбовскому архіерею *жизніе св. Агафона*, Пронинъ убѣдительно звалъ его въ село Двурѣчки, гдѣ будто бы мощи угодника заливали *усладительное благоуханіе*. Конечно, епархіальный архіерей на открытіе Двурѣченскихъ мощей не поѣхалъ. Тогда Пронинъ и его посподователи обошлись и безъ архіерея. Толпою отправились они на кладбище, вырыли изъ могилы замерзшій (дѣло было зимою) трупъ старца Агафона и съ торжествомъ понесли его въ свою такъ наз. обитель. Такъ какъ отъ мерзлага тѣла не было запаха и въ комнатахъ, то это окончательно уже убѣдило Двурѣченскихъ фанатиковъ, что *отъ мощей идетъ благоуханіе*. Мѣстная полиція отнеслась однако къ этому благоуханію скептически, тѣло зарыла, а самозваныхъ канонизаторовъ арестовала.¹⁵ По этому поводу Пронинъ отнесся къ мѣстнымъ властямъ съ слѣдующею запискою, приводимою нами въ сокращеніи: «старецъ Агафонъ при жизни говорилъ не разъ: если тронуть васъ—тронусь и я. И вотъ мы отрыли мощи и многіе чувствовали при перенесеніи ихъ благоуханіе. И еще говорилъ старецъ: придетъ время и всѣ отъ меня отекуются, что и случилось при первоначальномъ открытіи мощей, ибо всѣ тогда отъ страха разбѣжались. На этотъ случай припоминую изреченіе великаго старца: Сеня, что тебѣ скажу; въ одно время, какъ меня тащили, кто за ноги, кто за что, поглядѣли, а тамъ одинъ зинулъ, а я стою сзади ихъ и со смѣху никакъ не отдохну. Потомъ, когда разговяли насъ, мнѣ пришло на мысль одно старческое слово: если потребуюсь, то тогда взыщите и будьте готовы, а я всегда готовъ!»¹⁶ *).

* Подлинникъ любопытной записки Пронина хранится въ Тамб. губер. музеѣ.

Старецъ Агафонъ и ученикъ его Пронинъ, не смотря на ихъ несомнѣнный мистицизмъ, были, конечно, людьми себѣ на умѣ и подъ фирмою святости и чудотворцевъ ловко обдѣлывали свои мірскія дѣла. Советамъ въ другомъ свѣтѣ намъ представляется одна Тамбовская энтузиастка, священническая дочь Анна Егорова. Дѣло о ней производилось въ мѣстной духовной консисторіи въ 1842 году. Въ то время Аннѣ Егоровой было 24 года. По мнѣнію всѣхъ ея знакомыхъ, она была дѣвушка работящая, скромная, богомольная и разсудительная. Часто задумывалась она на тему о своей судьбѣ, о несходномъ чевѣческомъ горѣ и о неразрѣшимыхъ тайнахъ жизни и смерти. Отзывчивое сердце подсказывало ей единственный путь къ разрѣшенію всѣхъ мучившихъ ее вопросовъ—путь вѣры, и вотъ Аннѣ Егоровой стали представляться видѣнія, реальность которыхъ признавалъ и отецъ ея, священникъ села Становаго, Козловскаго уѣзда. Богомольная дѣвушка чаще всего видѣла *Божью Матерь, молившуюся на воздушьхъ*. Наконецъ увидѣла она въ образѣ чловѣческомъ и самого Спасителя.¹⁷ Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Скоро ли я умру, Господи?

— Скоро, на пасху между утреней и обѣдной.

— Когда будетъ,—продолжала допрашивать Анна Егорова,—второе пришествіе Христово?

— Скоро грду, отиѣчало видѣніе и скрылось.

Анна крѣпко заснула и на другой день ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Но вечеромъ *Гласъ Христовъ* повелѣлъ ей разсказать о видѣніи.

На первой недѣлѣ великаго поста Анна пришла отъ вечерни и передъ сномъ стала молиться. Въ это время къ ней явился Ангелъ и сказалъ: «возстань, съ тобой будетъ великое искушеніе». Дѣвушка отъ страха пресѣла на постель и вотъ, по словамъ ея, *враги* полѣзли въ дверь, сильно стуча и отдирая дверную рогожу. Анна позвала тогда отца, но и онъ услышалъ необычайный стукъ и былъ *въ великомъ смущеніи*.¹⁸

Въ день причастія чудо повторилось, но уже въ другой формѣ. Лишь Егоровой показалось, что всё образа—точно живые люди, а икона Спасителя плакала.

Слухъ объ этомъ дошелъ до епархіальнаго архіерея. Дѣвушку вызвали для допросовъ въ консисторію, но отвѣты ея всѣхъ убѣдили въ томъ, что она *совершенно здорова. Подсудимую* препроводили затѣмъ во врачебную управу, но и медицинскіе чины ни чуть не усумнились въ нормальности ея положенія!^{*)}

Надобно замѣтить, что практика прошлой Тамбовской жизни слишкомъ обильна фактами религиозныхъ увлеченій. Такъ, въ началѣ текущаго столѣтія въ Шацкомъ уѣздѣ, на хуторѣ у купца Аникѣева, проживалъ слѣпецъ Ефремъ съ послушникомъ Василіемъ. Въ комнатѣ у Ефрема былъ устроенъ иконостасъ, передъ которымъ *самозванный іерей*, въ присутствіи многочисленныхъ богомольцевъ, самочинно священнодѣйствовалъ. При этомъ были и проповѣди. Слепый старецъ особенно любилъ говорить на тему о второмъ Христовомъ пришествіи. «Ждите,—говорилъ онъ,—того часа, когда восплачется вся земля, море и аеръ, восплачутся и всѣ животныя со птицами, восплачутся горы и холмы и дерева польскія, восплачутся и оба свѣтила со звѣздами за родъ человѣчскій». И слушала его неразумная толпа, тяжело вздыхая о грѣхахъ человѣческихъ и страшась суда Божія, грядущаго *въ той часъ*. Въ Шацкомъ и Спаскомъ уѣздахъ долго потомъ ждали свѣтопреставленія. На пасху 1848 года жители селъ Вечутки, Хомутовки и Киселевки—всю ночь съ понедѣльника на вторникъ не спали и все ждали архангельской трубы, пока отъ утомленія не заснули^{20**)}.

Въ то же время въ Козловскомъ уѣздѣ въ селѣ Хмѣлевой слободѣ жилъ нѣкто Григорій Бекетовъ, котораго почитатели его обыкновенно называли отцомъ Григо-

*) Арх. дух. конс. № 124-В.

***) Арх. дух. конс. № 268-В.

ріемъ. Бекетовъ былъ тоже слѣпъ и это обстоятельство сдѣлало его религиознымъ мечтателемъ. Мало по малу слѣпецъ вообразилъ себя великимъ народнымъ учителемъ.²¹ Въ избѣ своей онъ началъ служить вечерами, утрени и обѣды, при чемъ прислуживали ему келейницы, числомъ 15 дѣвицъ, отъ 15 до 30-лѣтняго возраста. Служить *отецъ Григорій* въ ризахъ и золотой шапочкѣ. Служба совершалась обыкновенно ночью, до благовѣста къ утрени. Съ первымъ ударомъ приходскаго колокола все самочинное собраніе начинало пѣть врозь разныя канты. Потомъ пѣвцы ударяли себя кулаками въ груди и приговаривали: побѣдили, побѣдили! Церемонія оканчивалась *общимъ хохотомъ* и скромной трапезой.²²

Слепецъ Григорій *солнцествовалъ* 10 лѣтъ. Въ это время онъ обзавелся тремя просторными избами и обширнымъ садомъ и уже приступилъ было къ постройкѣ своей церкви. Слухи о его необыкновенныхъ подвигахъ дошли до Синода и волѣдствіе этого дѣятельность его наконецъ прекратилась^{*)}.

Крайній религиозный мистицизмъ Тамбовскаго народонаселенія иногда выражался въ самыхъ странныхъ формахъ, напримеръ—въ такъ наз. трушевѣрїи или трушевѣрїи.²³

Въ 60-хъ годахъ наступающаго столѣтія въ селѣ Верхней Мосоловкѣ, Усманскаго уѣзда, объявился одинъ мѣщанинъ Трофимъ Пановъ. Жилъ онъ въ домѣ помѣщика Аблова, *своего ближайшаго послѣдователя*, и вотъ именно его-то ученики назывались трушевѣрами.

Трушевѣры видимо исполняли православные обряды. Но ихъ выдавали слѣдующія обстоятельства: они часто и въ большомъ количествѣ собирались у Трофима Панова для моленій, другъ другу кланялись въ ноги, священниковъ называли бѣсами, женщинъ стригли въ кру-

жокъ, жили невинными, православныхъ при удобномъ случаѣ били, *иконя изъ нихъ нечестіе*. При этомъ иногда бывало, что сынъ—трушевѣръ поднималъ руки на родителей.²⁴

Однажды приходскій священникъ Лукинъ говорилъ въ церкви проповѣдь противъ трушевѣрїи. Между слушателями стояли и приверженцы Трофима Панова, въ томъ числѣ Аблова—мужъ и жена. Не понравилась имъ проповѣдь и вотъ они публично стали бранить священника и грозили взорвать на немъ облаченіе. «Ты—разоритель, грабитель и служка»,—громко шумѣли Аблова на всю церковь. Это было 14-го іюля 1868 года. Именно по этому поводу и началось *дѣло* о трушевѣрахъ.

Слѣдствіемъ обнаружено было, что Трофимъ Пановъ называлъ себя богомъ, а учениковъ своихъ—полубогами.²⁵ Вся трушевѣрская община отличалась воздержною жизнью, ненавистію къ существовавшимъ порядкамъ и акальтированнымъ обычаямъ во время моленій.²⁶ Когда трушевѣры сходились вмѣстѣ, то они снимали съ себя верхнее платье и оставались въ однихъ рубахахъ. Съ этого момента они называли свои избы Сіонскими горницами, пѣли церковныя пѣсни и канты, били въ *ладони* и притопывали ногами.²⁷

Слѣдователи узнали также и то, что Трофимъ Пановъ часто расказывалъ по селу въ сопровожденіи своихъ учениковъ, при чемъ на шею надѣвалъ большой перламутровый крестъ на широкой шелковой лентѣ. А одежда его въ то время заключалась въ длинной красной рубахѣ, обшитой по подолу и по рукавамъ желтой тесьмою; Поясъ его былъ желѣзный въ сукнѣ.

Во время допроса Трофимъ сознался въ своихъ заблужденіяхъ и говорилъ такъ: «я браню начальниковъ за слабѣе исполненіе обязанностей и именую бѣсами всѣхъ враговъ своихъ. Учу же я отъ имени Божія и всѣ мы—блаженные и нищіе духомъ, а весь міръ погрязъ во грѣхъ».²⁸

Самымъ усерднымъ ученикомъ Панова былъ крестьянинъ Иванъ Поповъ, который произнесъ передъ слѣдователями слѣдующія слова: «аще кто отвергнется отъ Трофима, отверженъ будетъ предъ отцомъ небеснымъ».

Когда въ домѣ Трофима Панова произвели обыскъ, то между прочимъ нашли рукописъ его сочиненія подъ весьма страннымъ и нескладнымъ заглавіемъ: *святостиному и благочестиво жнупицелу правосудію, нищеть духовной, сострадательной попечительности итжножалобное объявленіе на жизнь разоритнаго міра мытннпаго выка нечестивыхъ и беззаконныхъ людей*.²⁹

Въ самомъ текстѣ безсвязно изложены жалобы на то, что безчисленное множество христіанскихъ душъ запуталось въ свѣтхъ вражнхъ,³⁰ *въ шатамлахъ и молвахъ*. «Люди,—говоритъ Трофимъ,—утопаютъ какъ въ морскихъ волнахъ и у язычниковъ было лучше нашего».

Затѣмъ слѣдуетъ печальное и лирическое въ народно-литературномъ стилѣ изображеніе дѣйствительности: правда въ тѣснотѣ, злѣчестивая ложъ имѣеть великое пространство, любовь злонравіемъ больна. Вѣра раздробляется, надежда на свою хитрость и любостыжаніе полагается. Покаяніе страдаетъ, грѣхъ нераскаивіемъ прикрылся, боголюбивое усердіе отъ нечестія, какъ пчела отъ дыма, не уклоняется и святая жизнь каменьями побивается. Здравое ученіе захворало, истина осиротѣла, правосудіе въ бѣгахъ, на судѣ крющдѣйственная грабительница—корысть обрѣтается. Благодѣяніе подъ арестомъ, состраданіе въ острогѣ сидитъ и дщи Вавилонская ликуеть. Сгдѣ ослѣвъ, совѣтъ съ ума сошла, справедливость обанкрутилась, честь въ отставку вышла, а законное супружество въ грязи лежитъ.³¹

Съ особенною силою трушевѣрскій учитель возстаетъ противъ пѣсонъ, хоропроводовъ, качелей, карточной игры, псовой охоты, театровъ, сквернословія и модныхъ женскихъ нарядовъ. О послѣднихъ онъ выражается

*) Арх. дух. конс. № 2677-В.

· СЕРГЕЙ БАРАНОВ "ДИКТАТОР"

такъ: «о, оружіе дьявола, бѣсово чудовище, невѣста кинія тьмы, любовница сатаны, Пентефріова жена, Египетская бѣсноватая свинья, поклонница Венеры,³² неукротимый звѣрь, зѣвъ ада происподняго!».

Не щадить Трофимъ Пановъ также и духовенства, о которомъ онъ говоритъ: «нечестія ревнителі, благочестія гонители, ненавистники рода христіанскаго, протечи злобы и ярости антихристовой, Анны и Кіаіфы, предатели Христа на мученіе и бессмысленныя пастыри!»³³

Рукопись заключается слѣдующими словами: «благодатію Божіею все вы, чтущіе сію, утвердитесь до скончанія вѣка. Аминь!»³⁴

Очевидно, трушевѣріе не имѣло самостоятельнаго обрядоваго и догматическаго характера. Скорѣе—оно представляло собою рѣзкій и наивный протестъ, направленный противъ общественной безправности. Самыя сходки трушевѣровъ не заключали въ себѣ, строгаго говоря, ничего противокерковнаго. Тамъ приверженцы Трофима Панова пѣли обыкновенно псалмы: благословіи, душе мол, Господа... Влаженъ мужъ... На рѣкахъ Вавилонскихъ... да изъ евангелія читали любимыя мѣста, чаще всего бесѣду Спасителя съ женою Самаряною. Если же Трофимъ называлъ себя богомъ, то это слово онъ понималъ, конечно, въ нравственномъ смыслѣ. Это видно изъ слѣдующаго.

Трофима Панова отлучили отъ церкви, но онъ сильно вривался въ православныя храмы и въ этомъ случаѣ оправдывалъ себя словами Спасителя: «приходящихъ ко мнѣ не изжену вонъ». Въѣстѣ съ тѣмъ упорный фанатикъ *благозвременно и беззвременно* убѣждалъ духовенство *возстать отъ сна*³⁶

17 мая 1867 года священникъ Лукинъ, встрѣтившись съ Трофимомъ, дружески сказалъ ему: «преосвященный требуетъ отъ меня допесенія о тебѣ и я хочу доносить, что тебя исправилъ».

На это Трофимъ отвѣчалъ священнику: «чтожь, батюшка, пиши на свою шею!»³⁷

Между тѣмъ по селу онъ распространялъ такіе слухи: «меня гошатъ, но Господь наказываетъ гонителей Христа—кто отъ пьянства безъ покаянія умеръ, кто умеръ потопленіемъ водою, кого Господь огнемъ сжегъ, кого лишилъ чадь, а кого оставилъ еще на покаяніе»³⁸ Чудны дѣла Господа! А священникъ все-таки меня гонитъ и старается погубить овецъ своихъ. Настало время ужасное, храмъ Божій сдѣлался въ ловитву».

Однако, краснорѣчіе Трофима не спасло его. Вся Пашковская волость огромнымъ большинствомъ голосовъ порѣшила: трушевѣровъ удалить изъ общества *).

Переходимъ теперь къ сектантству, которое представляетъ рѣзкую выдающуюся бытовую черту мѣстнаго края.

Секты развивались у насъ главнымъ образомъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Тяжелая крѣпостная обстановка несомненно влекла изстрадавшееся крестьянство къ религиозной мистикѣ и фанатизму. Духовенство же своими дѣйствіями полицейскаго характера не только не умирало наивную толпу, а еще болѣе волновало.³⁹ Отсюда происходило взаимное раздраженіе, роль котораго въ исторіи развитія Тамбовскаго сектантства, по нашему мнѣнію, далеко не послѣдняя... При такихъ-то условіяхъ развивался мѣстный религиозно-критическій анализъ. Люди непросвѣтлой глуши, не забытые только тѣми, кто нуждался въ ихъ скудныхъ достояніяхъ, Тамбовскіе крѣпостные и имъ подобные обыватели естественно искали отраду для своей горемычной жизни въ религіи и находили ее по своему. Самые бѣдные крестьяне переходили иногда въ извѣстную, подходящую къ ихъ міросозерцанію, секту изъ матеріальныхъ выгодъ, такъ какъ сектанты всегда были зажиточнѣе большинства православныхъ и щедро помогали своимъ единовѣрцамъ.⁴⁰ Между тѣмъ крестьяне, болѣе чуткіе къ вопросамъ вѣры и

нравственности, могли увлекаться въ сектанствѣ тѣмъ, что почти все его сторонники—люди позорные, трезвые, тихіе, другъ другу всячески и отъ души помогающіе...

О степени распространенности въ Тамбовской губерніи секты судить слишкомъ трудно, потому что официальные статистическія данныя на этотъ предметъ слишкомъ подозрительны. Мѣстная консисторская статистика за все годы съ начала XIX столѣтія показывала почти одну и ту же цифру: приблизительно 9000 сектантовъ. Это количество, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо ниже дѣйствительности и на это есть у насъ основательныя доказательства.

Еще въ 1830 году майоръ Владиміровъ писалъ всеподданнѣйшее письмо императору Николаю I-му, въ которомъ съ увѣренностію доносилъ, что только въ трехъ уѣздахъ: Тамбовскомъ, Моршанскомъ и Шацкомъ—сектантовъ болѣе 70,000 человекъ. Припоминается намъ по этому поводу и наша бесѣда съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ молоканъ города Тамбова, который говорилъ, что онъ отписной молоканъ и все его знаютъ съ этой стороны, а то много у нихъ и соблюдающихъ наружно православныя обряды ради мірскаго чести и всякихъ выгодъ и это, по молоканскому ученію, не грѣхъ.

Въ 1839 году Тамбовскій епископъ Арсеній Москвинъ составлялъ списки главныхъ молоканскихъ наставниковъ. Мы думаемъ, что онъ узналъ не про всехъ, и однако въ его спискахъ стояла весьма почтенная цифра: 112 *).

О количествѣ сектантовъ Тамбовской епархіи приблизительно можно судить также и по числу лицъ, не принимавшихъ св. причастія. По консисторскимъ даннымъ, въ 1830 году таковыхъ значилось 165,374 человекъ. Въ слѣдующемъ году это число возрасло до 172,978 человекъ. Въ 1832 году не было у исповѣди и св. причастія 129,390 человекъ, а въ 1833 году—174,685 человекъ. Справка эта подана была въ консисторію 13 августа 1840 года архивариусомъ Иванскимъ.⁴¹

*) Арх. дух. конс. № 287-В.

Секта субботниковъ или жидовствующихъ всегда считалась у насъ самою незначительною по количеству сектантовъ. Между тѣмъ въ 1864 году вотъ что писало о ней Разказовское приходское духовенство: «субботниковъ у насъ около 1000 душъ и ждутъ они въ скоромъ времени Мессію, а для построенія Іерусалимскаго храма собираютъ большія деньги»⁴² *).

Внослѣдствіи, въ 1865 году, въ Разказово пріѣхалъ одинъ еврей—аферистъ, объявилъ себя Іерусалимскимъ агентомъ, собралъ нѣсколько сотъ рублей и за тѣмъ неизвѣстно куда скрылся...

Особенную антипатію между многочисленными Тамбовскими ересями возбуждаетъ, конечно, скопчество, о которомъ мы сказали уже нѣсколько словъ въ концѣ первой главы. Намъ представляется особенно удивительнымъ то, какъ скоро и съ какою легкомысліемъ многіе Тамбовскіе крестьяне рѣшались на оскотленіе **).

25 декабря 1830 года крестьянинъ села Русскаго, Моршанскаго уѣзда, Семенъ Куликовъ пообѣдалъ вмѣстѣ съ семьей и вышелъ погулять. Черезъ нѣсколько часовъ, окровавленный и согнувшійся, онъ вернулся домой и при входѣ упалъ.

— Что это съ тобою, Семенъ? спросила его сноха Афросинья.

— Лошадь разбила меня и ушибла объ колѣнки.

Стали слѣдить за Куликовымъ и оказалось, что онъ оскотился.

Внослѣдствіи на судѣ Куликовъ показывалъ: «содержу я секту скопческую, но въ чемъ она заключается—не знаю.⁴³ Думаю только, что мясного мнѣ ѣсть нельзя. На праздникъ Рождества Христова мы обѣдали и вдругъ мнѣ пришла мысль: человекъ я бѣдный и жениться мнѣ

*) Арх. дух. конс. № 406-В.

***) Распространительскія скопческой секты въ Тамб. и Морш. уѣздахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія были слухъ Кондратій Соловьевъ съ учениками Ретинскимъ, Поповымъ и дьякономъ Алексѣевымъ.

по бѣдности нельзя; такъ лучше, чѣмъ разжигаться, глядя на женскій полъ и грѣшать—отрѣжу я семенные ядра⁴⁴.

Послѣ этихъ размышленій Куликовъ пошелъ въ клѣть, перевязать дѣтородныя части лычкомъ и простымъ ножомъ сразу отрѣзалъ ихъ. Не смотря на жгучую боль и сильное кровоизліаніе, Куликовъ имѣлъ на столько присутствія духа, что тщательно вытеръ свѣгомъ ножъ и пошелъ въ избу, по у коница упалъ на полъ. Въ это время и стала спрашивать его сноха Афросія⁴⁵.

Въ томъ же 1830 году изъ Владикавказа вернулся на родину въ село Уварово, Борисоглѣбскаго уѣзда, отставной солдатъ Никулинъ. Одна нога у него была отнята, слѣдовательно къ сельскимъ работамъ онъ былъ неспособенъ. Никулинъ сдѣлался сельскимъ учителемъ. Разъ онъ задумался, сиди въ своей бѣдной и темной хатѣ. Тутъ пришли ему на умъ извѣстные евангельскія слова: «скопцы сами себя искажиша царствія ради небеснаго», и онъ, не долго думал, осконился бритвою. При этомъ Никулинъ утѣлялъ свою боль тою мыслію, что безъ умерщвленія плоти нельзя получить царствія Божія.

«Скоро равы мои,—говорилъ онъ потомъ судьямъ,—зажили и стали приходять ко мнѣ всякіе люди и я читалъ съ ними священное писаніе и пѣлъ псалмы и молитвы. Разъ пришли ко мнѣ три дѣвки и одна товарищъ мой осконили ихъ, а къ порѣзаннымъ мѣстамъ приложилъ пластырь изъ воску и конопляннаго масла⁴⁵».

Нѣкоторые Тамбовскіе крестьяне до постыженія въ скопческую секту отличались чрезвычайною пажобностію и готовы были идти въ монахи. Таковъ былъ крестьянинъ села Крюкова, Моршанскаго уѣзда, Артозь Брюнинъ.

⁴⁴) Арх. Тамб. округ. суд., № 886-а.

⁴⁵) Ibid., № 887-а.

«Возмѣлъ я отвращеніе къ мясной пищѣ,—говорилъ онъ,—сталъ вѣсть постное и намѣревался вступить въ какой либо монастырь для всегдашняго моленія, но отецъ съ матерію въ монахи меня не пустили».

Томимый постояннымъ желаніемъ дупернаго спасенія и крайне нервный, Брюнинъ однажды пошелъ къ отцу на гумно. Въ это время встрѣтилъ его какой-то странникъ, повицимому монахъ, и упростилъ проводить его на большую дорогу. Брюнинъ пошелъ съ незнакомцемъ и сталъ жаловаться ему на свое горе.

Странникъ остановился.

«Если ты хочешь спастись себя,—съ важностію возвысилъ онъ голосъ,—то осконись, умертви грѣшную плоть и это для души твоей будетъ очень хорошо».

Брюнинъ сразу согласился на осконеніе. Тогда мнимый монахъ повелъ его къ одоньямъ, совершилъ надъ нимъ операцію и ушелъ неизвѣстно, куда своей дорогой. Между тѣмъ скопецъ—неофитъ истекалъ кровью и лежалъ на гумнѣ безъ памяти. Утромъ кое-какъ дотанцился онъ до дому, рассказать обо всемъ роднымъ и тѣ въ тотъ же день препроводили его въ Моршанскій земскій судъ. Это было въ іюнь 1837 года.

Странникъ, осконившій Брюнина, не даромъ торопился уйти изъ Крюкова. Тамъ онъ успѣлъ осконить еще 18 человекъ, кого въ открытѣмъ полѣ, кого на гумнѣ, кого на большой дорогѣ... Въ числѣ осконенныхъ были и дѣти—мальчики и дѣвочки⁴⁶.

Изъ Тамбовскихъ консисторскихъ документовъ видно, что въ первой половинѣ настоящаго столѣтія село Крюково было главнымъ расадникомъ скопческой ереси. Главою Крюковскихъ скопцовъ былъ въ указанное нами время крестьянинъ Аристарховъ, у котораго найдены были самыя уважаемыя скопческія рукописи. Въ рукописяхъ заключались преимущественно аллегорическія

молитвы, представлявшія скопцовъ пчелами, а ихъ радѣнія—пчелинымъ жужжаніемъ⁴⁸.

Наиболѣе сильное развитіе всѣхъ Тамбовскихъ ересей относится ко временамъ епископа Арсенія, когда мѣстные сектанты подверглись суровымъ и систематическимъ преслѣдованіямъ. Именно въ то время появились у насъ пылкіе и убѣжденные сектантокіе проповѣдники, явилась полная нравственная и экономическая солидарность всѣхъ членовъ извѣстной религіозной общины и даже—сектантская школа.

Глубокій интересъ по религіозно-мистической оригинальности представляютъ намъ секта хлыстовъ, иначе называемыхъ шепанутами, богомольи, истинными христианами и Давыдовымъ согласіемъ⁴⁹. Къ окружающей ихъ дѣйствительности хлысты относились съ полнымъ отрицаніемъ. Они говорили такъ: «весь міръ погрязъ въ ужасныхъ грѣхахъ», только и есть наше малое чистое стадо».

Одинъ изъ хлыстовъ, фельдфебель Тюкаловъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ своихъ православныхъ сотоварищей: «живу я грѣшникъ среди овиной и другихъ дикихъ звѣрей, не имѣющихъ боготканной одежды и небесной пищи. Угоднички Божіи! Молитесь за насъ и омывайте насъ крещеніемъ чистой совѣсти. О горе! гонять на духа святаго, а въ насъ благодать»⁵⁰.

Хлысты тщательно укрывали свое богослуженіе отъ православныхъ. Всѣ знали, что они вѣруютъ въ безпрерывное и періодическое возрожденіе Христа, какъ духа Божія, что у нихъ есть самозванныя богородицы, пророки, апостолы и архангелы и что они часто подвергаются самымъ сильнымъ нервнымъ экзальтаціямъ, принимаемымъ за нантіе св. духа⁵¹. Но обрядовъ ихъ не знали и потому на этотъ предметъ возникали у насъ легенды.

⁴⁸) Арх. дух. конц. № 7,660-8.

О хлыстовскихъ собраніяхъ у насъ говорили такъ: «оберутся хлысты въ какую нибудь просторную избу и бѣгаютъ кругомъ чана съ водою, приговаривая: хлыщу, хлыщу, Христа ницу. Тогда нѣкто выходитъ изъ чана и началось общее бѣснованіе⁵¹».

Болѣе подробныя официальныя свѣденія о богомольской сектѣ получились у насъ въ 1850 году по слѣдующему случаю.

Въ одномъ селѣ Борисоглѣбскаго уѣзда проживало многочисленное семейство купцовъ Аникѣевыхъ. Ихъ было три брата: двое женатыхъ и одинъ холостой. У одного изъ первыхъ вдругъ заболѣла жена и стала кричать. Какъ ни лѣчили больную, ничего не могли сдѣлать. Въ это время къ Аникѣевымъ пріѣхали по торговымъ дѣламъ крестьяне Тимофеевъ и Козычши. Оба они были хлысты. Случилось такъ, что они были свидѣтелями припадковъ Аникѣевой. Тогда Тимофеевъ сказалъ больной:

— Хочешь, я исцѣлю тебя испосланіемъ благодати Божіей!

Больная согласилась.

— Такъ пріѣзжай ко мнѣ подъ рождество. У тебя внутри бѣсы и ты постись, тогда бѣсы сами выдутъ.

Въ назначенный день семья Аникѣевыхъ поѣхала въ село Туголуково къ Тимофееву, въ просторной избѣ котораго собрано было многочисленное общество. Тутъ была вдова—крестьянка Астафьева съ цѣлой свитой черничекъ и странницъ. Все собраніе относилось къ ней съ величайшимъ почтеніемъ и именovalo ее матушкой, чудотворкой и богородицей. Тутъ же былъ настоятель Перфиль Катасоновъ, къ которому сама Астафьева обращалась, какъ къ набольшему⁵².

Въ избѣ, по словамъ одного изъ Аникѣевыхъ, былъ настоящій рай. Пѣли разныя стихи и всѣ цѣловались безъ разбору и стыда. Перфиль Катасоновъ подозвалъ къ себѣ пріѣзжихъ и громко провизгнулъ: «теперь всѣ ваши грѣхи я принимаю на себя. Да мяса, смотрите, не

⁴⁹) Протоколъ Тамб. уезд. пал. отъ 29 іюня 1837 года.

ѣшить, самъ Христосъ его не ѣлъ и въ пасху его не кладутъ, и въ храмахъ Божіихъ не ставятъ, сальныхъ свѣчей, а постныя восковыя; да поймите, что, храмъ внутри васъ гораздо дороже всякаго храма.⁵³

Неожиданная проповѣдь закончилась слѣдующими словами: «Богъ васъ прощаетъ и я, Перфиль, прощаю».

На масляницу Аникѣевы поѣхали въ деревню Афанасовку къ крестьянину Козьмину, котораго его единомысленники называли сердцебидцемъ. Перфиль Катасоновъ былъ уже тамъ. Входя въ избу, всѣ подходили къ нему и цѣловали его руку и щеку, а онъ указывалъ входящимъ изъ избыта. Когда вошли въ собраніе Аникѣевы, имъ приказано было открыть рты и *постоять* туда дышать. Такимъ образомъ приняты были въ богомольское общество новые члены. Послѣ этого всѣ стали пѣть канты на мотивы ящическихъ пѣсенъ и бесѣдовать, величая другъ друга святыми, а съ наступленіемъ ночи богомолы легли спать, какъ попало. Въ ночной темнотѣ слышались то религиозныя канты, то молитвы, то сдержанный смѣхъ и фривольныя шутки.⁵⁴

Утромъ всѣ богомолы пошли къ Астафьевой и при входѣ кланялись ей въ ноги и цѣловали ее. Между тѣмъ Козьминъ началъ дѣлать изъ соломы кольца.

— На что это? спросили Аникѣевы.

— А это вѣнцы для получившихъ благодать.

Въ это время Катасоновъ вышелъ на средину избы, обнявшись съ *чудотворкою*, которая всѣхъ манила къ себѣ рукою. Катасоновъ посадилъ Астафьеву себѣ на плечо.

— Для чего это? стали спрашивать Аникѣевы.

— На нихъ сошла благодать, отвѣчали имъ.

Тогда всѣ стали на колѣни, кромя *настойтеля*, и начали каяться во грѣхахъ: «я—блудница, я—обманщица, гонорила женщины». А я—клеветникъ, насильникъ, гордецъ—пересбивали мужчины.

Дѣйствіе закончилось *причастіемъ*. Богомолы ѣли кусочки чернаго хлѣба и запивали ихъ теплою водою. Какъ вода сплываетъ,—приговаривали они,—такъ бы грѣхи сплывали, и тотъ хлѣбъ нашъ—слово Божіе, а вода—слеза народная.

Не смотря на то, что богомолы шли къ *причастію* весьма охотно, Катасоновъ вооружился кнутомъ и подгонялъ всѣхъ къ столу.⁵⁵

Подобныя собранія стали повторяться чаще и чаще. Аникѣевы горячо относились къ нимъ. Но одинъ изъ нихъ, младшій братъ Федоръ, повалье наконецъ свою ошибку и донесъ обо всемъ духовному и сѣтекскому начальству.

Началось слѣдствіе. Слѣдователь ассесоръ Матѣевъ дозналъ, что хлыстовщина обнаружилась у насъ еще въ 1761 году, а усиленное распространіе ея началось въ началѣ текущаго столѣтія въ селѣ Перевозѣ, Кирсановскаго уѣзда.

Главнымъ распространителемъ богомольскаго ученія былъ у насъ крѣпостной крестьянинъ Абакумъ Копыловъ. Въ свое время онъ самъ рассказывалъ, что ему будто постоянно представлялись ангелы, которые сладкогласно пѣли и говорили ему, Абакуму: постись и молись! «И я,—прибавлялъ онъ,—ничего не ѣлъ 8 недѣль и стало мнѣ легко».⁵⁶

Абакумъ сталъ жить уединенно и изнурять себя постомъ. Сосѣди и домашніе постоянно видѣли его задумчивымъ и блѣднымъ. Онъ пересталъ ходить на барщину и молча переносилъ за это суровую барскую расправу. Крайній мистицизмъ Абакума Иванова породилъ наконецъ слѣдующую галлюцинацію:⁵⁷ однажды,—убѣжденно говорилъ онъ,—я постился 40 дней и вотъ явились ко мнѣ два ангела и понесли меня къ престолу Божію на седьмое небо. Въ трепетѣ сталъ я предъ владыкою и онъ повелѣлъ мнѣ читать божественныя книги и отыскивать въ нихъ средство, какъ людямъ спастись.⁵⁸

Эту рѣчь первый выслушалъ Перфиль Катасоновъ—Абакумовъ работникъ.

Все общество Кирсановскихъ богомолвъ сразу увѣровало въ своего *великаго* учителя. Въ богомольскихъ хатахъ или оживленные разговоры о томъ, какъ милостиво и любовно встрѣтилъ самъ Господь Богъ Абакума Ивановича.⁵⁹ «Когда Абакумъ всталъ былъ на седьмое небо,—толковали крестьяне,—то по всему небу прогремѣлъ Божій гласъ: сей есть сынъ мой волюбленный, о немъ же благоволихъ... Тогда на богомольскихъ собраніяхъ стали будто бы совершаться чудеса: сіялъ ночью свѣтъ, свѣчи сами загорались и духъ пророческій овладѣвалъ многими. То было время, когда Тамбовскіе хлысты надѣлялись на всероссійское распространіе своей секты. «Наша вѣра,—говорили они,—во истину истинная и за нее умремъ мы. Темныя крестьяне между прочимъ увѣрены были въ томъ, что у нихъ есть свой *патріархъ* въ Петербургѣ и что сила его у царя велика».⁶⁰

Ересь быстро стала распространяться въ селахъ Уваровѣ, малой Грибановкѣ, Туголуковѣ, Афанасьевкѣ, Перевозѣ, Коптевѣ, Мосоловкѣ и Березовкѣ. Абакумъ Копыловъ и сынъ его Филиппъ громко проповѣдывали: «вѣруйте въ новаго Іисуса, обновляя плотское духовнымъ. Вѣруйте, что Христосъ былъ богочеловѣкъ, т. е. духъ Божій входитъ въ него, но это и теперь можетъ быть».⁶¹

Во время богомольскихъ сборищъ пѣвались разныя канты, молитвы и стихи. Наиболѣе употребительныя стихи и канты начинались такъ:

- 1) Идетъ мальчикъ по дорожкѣ,
Ко Христовой прямо ножкѣ...
- 2) Гдѣ ты, агница, сокрылась?
Что отъ Бога удалилась?
О душѣ твоей скорблю,
Потому что я люблю...
- 3) Везсмртный царь и обладатель,
Правитель неба и земли,
Вся вселенная создатель!
Прими молитву, гласъ внемли...
- 4) Пробудись отъ сна, невѣста,
Се полунощи жонихъ.
Яко тать грядеть безвѣстно
Съ мертвыми судить живыхъ...
- 5) Потопъ страшный умножался,
Народъ видя испугался...
Гнѣвъ идетъ, гнѣвъ идетъ...

Что касается молитвъ, то главныя изъ нихъ записались слѣдующимъ образомъ:

- 1) Господи Боже нашъ, введи меня раба въ духовный миръ..⁶²
- 2) Плачемся и ужасаемся, яко на всякій часъ помышляемъ: придуть судьи Божьи дѣла судить...
- 3) Да восплачется мати сыра—земля передъ образомъ и престоломъ Господнимъ..⁶³

Слѣдствіе ассесора Матѣева, при участіи духовныхъ депутатовъ и мірекихъ понятыхъ, между прочимъ выяснило, что нравственный бытъ хлыстовской секты отличался особеннымъ воздержаніемъ и сравнительною скромностію.

«По нашей вѣрѣ,—говорилъ крестьянинъ Николай Копыловъ,—не надо ѣсть мяса, курить табакъ, пить вино, ходить на игрища, ругаться скверными словами, употреблять картофель, лукъ и чеснокъ, ибо они у язычниковъ были замѣсто боговъ. Также не надо носить серогъ, ожерелій и колець. И близость имѣть съ женами тоже не надо. Лишнее мы приносимъ къ настоятелю и онъ помогаетъ бѣднымъ, и всѣ мы помогаемъ, но тайно».⁶⁴*)

*) Въ основаніе вѣроты между мужемъ и женою хлысты приводили слѣдующія слова Писанія: бракъ честенъ и ложе нескверно.

СЕРГЕЙ БАРАНОВ "ПИР"

Первымъ известнымъ *христомъ* въ Кирсановскомъ уѣздѣ былъ Абакумъ Копыловъ. Въ *богородцахъ* ходила у него Татьяна Черносвятова.

Вторыми *христомъ* и *богородицей* были Филиппъ Абакумовъ и Меланія Захарова.

Третьими—Николай и Анисья Копыловы. Въ это время въ Кирсановскомъ и Борисоглебскомъ уѣздахъ образовались три самостоятельныя хлыстовскія собранія съ особыми настоятелями и настоятельницами. Изрѣдка *три корабля* собирались вѣстѣ. Догматическаго различія между ними не было. Была одна нравственная рознь, зависѣвшая отъ темпераментовъ ересеначальниковъ. Такъ, у Анисьи Копыловой собранія были чпныя, а у Перфила Катаонова творили чудеса.⁶⁶ Тамъ мужчины и женщины раздѣвались до нага, подражая Адаму и Евѣ, неистово плясали, волхвъ исповѣдывались во грѣхахъ своихъ, громко вскрикивали и плакали и послѣ ложились въ повалку, *духовники съ духовницею*.⁶⁷ То была сомнительная экзальтациа, какъ слѣдствіе крайняго напряженія нервовъ... На судѣ хлысты такъ оправдывали свое поведеніе: «мы исполняемъ житіе св. пророка Давида—скачемъ, играемъ, пасху славимъ вѣчную».

Темныхъ мистиковъ осудили весьма строго. 75 человекъ посадили въ остроги, гдѣ половина ихъ умерла отъ дыма. Потомъ еще забрали 410 человекъ и всѣхъ ихъ переселили въ Закавказскій край. Но оставалось еще много тайныхъ хлыстовъ, посѣщавшихъ православные храмы и принимавшихъ духовенство. Эти тщательно укрывались и ожесточились, выражая свои протесты одними храбрыми словами *).

Противоцерковная Тамбовская жизнь въ особенности выражалась въ слѣдующихъ уѣздахъ. Въ Опасскомъ и Темниковскомъ преобладать расколъ, въ Кирсановскомъ и Борисоглебскомъ—хлыстовство, въ Моршанскомъ уѣздѣ были оконцы, въ Козловскомъ и Тамбовскомъ—молокане и духоборцы.

*) Арх. дѣл. конс. Дѣло о хлыстахъ, томи 4-й и 7-й.

Последніе, т. е. молокане и духоборцы,⁶⁹ судя по конвенторскимъ документамъ, отличались отъ другихъ сектантовъ крайнею злобою къ православію и духовенству. Появившись въ нашей губерніи еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во времена знаменитыхъ Укленина и Побирохина, они постоянно донимали епархіальное и губернское начальства массою *дѣлъ*. Не входя въ подробное нравственно-догматическое изслѣдованіе молоканства и духоборчества, мы здѣсь укажемъ только на самыя рѣзкія проявленія этихъ родственныхъ сектъ.

Молоканскіе *пресвитеры* Кубышкинъ и Хомутковъ однажды говорили священнику Алмазову слѣдующія слова: «иконы ваши—идолы. Херувимы въ скинни и Соломоновъ храмъ сдѣланы были для прельщенія Израильянъ, ибо богъ хотѣлъ погубить ихъ»⁷⁰

«Смотрите,—хвалились передъ православными духоборческіе наставники,—мы трезвые, а вы всѣ пьяницы, плясуны, пѣсенники и грабители».

«Крещеніе, причащеніе и миропомазаніе, продолжали они,—мы понимаемъ духовно и состоятъ они въ наученіи слова Божія. Покаяніе наше тайное а бракъ у насъ по образу ветхозавѣтныхъ патриарховъ съ возложеніемъ рукъ и чтеніемъ псалмовъ. Священникъ у насъ одинъ Исусъ Христосъ, мы же, воѣ братья и равны между собою!»

Слѣдующіе факты достаточно показываютъ степень молоканско-духоборческаго озлобленія противъ служителей господствующей церкви.

На пасху 1837 года священникъ села Падовъ Ястребовъ вышелъ изъ алтаря и сталъ христоваться съ природою. Въ это время духоборецъ Трофимъ Иконниковъ заговорилъ на всю церковь: «вотъ, съ попомъ не цѣловались объ масляной, такъ надо подойти къ нему теперь да дернуть за бороду и сказать: вотъ тебѣ, ба-

тющика, яйцо да и еще бы подошелъ и кулаками вотъ какъ надавать бы ему лицъ?»⁷² *).

Особенною рѣзкою молоканская вражда къ духовенству выражалась во время самыхъ большихъ праздниковъ, когда сельскіе причты имѣли неосторожность заходить съ образами и въ молоканскіе дома. Напри- мѣръ, причтъ села Пахатнаго угла пришелъ однажды съ молебномъ къ молочану Илясову. Хозяинъ въ это время лежалъ на лавкѣ и притворился спящимъ. Тогда священникъ Крыловъ сталъ будить его, но Илясовъ быстро вскочилъ, толкнулъ священника въ грудь и изорвалъ на немъ эпитрахиль, потомъ бросилъ въ него нѣсколькими мѣдными монетами и приказывалъ поскорѣй уходить прочь и не *мозолить глазъ* **).

Въ 1838 году молоканство сильно распространилось въ селѣ Вяжля, Кирсановскаго уѣзда. Главный распространитель секты Панковъ на судѣ показывалъ слѣдующее: «я у своихъ попъ и на поповство поставилъ меня самъ Богъ, а всѣ православные—скопичи нечестивыхъ и антихристы, церкви же ихъ конюшни».

Иные молокане сами стремились къ религиознымъ диспутамъ и съ этою цѣлію вторгались въ дома православныхъ священниковъ.⁷³ Такъ, мѣщанинъ Петровъ пришелъ къ священнику села Шаморги Семенову и затѣялъ съ нимъ слѣдующую бесѣду: «Христово распятіе не можетъ себя спасти, положи его на полуу и оно встать не можетъ, а когда встанетъ, то я буду въ него вѣрвать; да и самый крестъ, который я на себѣ имѣю, по бытности моею въ лѣсу для рубки дровъ, нечаяннымъ образомъ зацѣпился за дерево и оторвался и съ того времени оного на себѣ не имѣю»⁷⁴.

Съ теченіемъ времени молоканская пропаганда въ Тамбовской губерніи все усиливалась. Въ 1839 году въ одномъ селѣ Грязнушѣ было 224 молоканскихъ прозелитовъ.

*) Арх. дѣл. конс. № 102-А.

**) Ibid. № 77-А.

Главныхъ молоканскихъ наставниковъ ссылали въ Сибирь, Закавказье и на Молочныя воды, но связь ихъ съ единовѣрцами не прекращалась. Между ними шла дѣловая переписка.

Въ 1824 году Тамбовская полиція перехватила слѣдующее письмо мѣтнаго молочана Токарева, адресованное на имя Томскаго смыльника Журавцова, бывшего Тамбовскаго *пресвитера*.

«Благодѣтелю преображенія Господня Петру Михайловичу добраго здравія, счастливыхъ поведеній, благословенія Божія, мира Христова и святциа. Кланяеся до стопа ногъ вашихъ и заочно цѣлуетъ богохвалѣціа уста. А у насъ учрежденъ великій разбой и просимъ васъ писаніемъ своимъ подать намъ руку помощи»⁷⁵.

Рѣже всего въ Тамбовскихъ документахъ встрѣчаются указанія на старообрядцевъ. Тихо проживали они въ нашихъ сѣверныхъ уѣздахъ, имѣли свои часовни—тайныя и явныя, заманивали къ себѣ блылыхъ священниковъ и чрезъ это навлекали на себя скоропреходящій гнѣвъ духовной и свѣтской администраціи.

Въ Тамбовскихъ архивахъ мы встрѣтились только съ однимъ случаемъ рѣзкаго проявленія раскольничьей пропаганды.

Въ первый день Пасхи 1815 года въ Елатомскую Вознесенскую церковь пришелъ мѣщанинъ Макашинъ, сталъ на амвонѣ и обратился къ народу съ такими словами: «послушайте, православные! Богъ побѣдилъ всѣхъ людемъ крестителемъ словеніемъ трехъ иеретовъ, великаго съ малыми. Весь народъ молча сѣгивалъ неожиданнаго проповѣдника, который высоко надъ головою держалъ руку съ изображеніемъ старообрядческаго креста. Но многіе изъ васъ,—продолжалъ Макашинъ—христіанской заповѣди не повинуются и я за наши прегрѣшенія уже четыре года мучусь душою»⁷⁶.

Послѣ этого Макашичь сталъ на обычное свое мѣсто и въ Вознесенской церкви началась пасхальная заутреня *).

Всѣ эти противцерковныя движенія несомнѣнно удостоверяютъ насъ въ томъ, что Тамбовское крестьянство искони отличалось своеобразнымъ исканіемъ истинной вѣры и правды и вслѣдствіе этого, по своей умственно-нравственной отсталости и косности, уходило въ расколь и ереси.⁷⁷ Причинъ такого ненормальнаго явленія было слишкомъ много: и церковныхъ, и социальныхъ, и экономическихъ. *Житія у насъ была многоя, а дѣлателей мало...* Эти дѣлатели въ большинствѣ случаевъ по отношенію къ исканіямъ свѣта и правды выражали не столько пастырскія, сколько полицейскія и узко—агонстическія стремленія. Неудивительно поэтому, что мисіонерская дѣятельность мѣстнаго духовенства сводилась почти къ нулю.⁷⁸ Результаты приходско—пастырскихъ увѣщаній въ консисторскихъ документахъ болѣею частію отмѣчены такъ: «за всѣми увѣщаніями и увѣщеніями къ обращенію въ православіе оныя сектанты оказались упорными въ своихъ заблужденіяхъ».⁷⁹

Систематическія гоненія противъ мѣстнаго раскола и сектъ предприняты были извѣстнымъ епископомъ Арсеніемъ Москвитинъ. Ревностными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были губернаторы Гамалій и Корниловъ. По словамъ самого св. синода, Арсеній завалилъ всѣ Тамбовскія присутственныя мѣста сектантскими дѣлами и, разоряя иновѣрцевъ, билъ чуть ли не въ сажню чувствительную сторону крестьянскаго быта. Грозный Тамбовскій епископъ настаивалъ даже на томъ, чтобы сектанты не смѣли ловить рыбы въ однихъ рѣкахъ съ православными и чтобы они обязательно и поголовно выдавали дѣтей своихъ для крещенія въ православію вѣру. Слѣдствія этихъ и подобныхъ имъ мѣръ, разумеется,

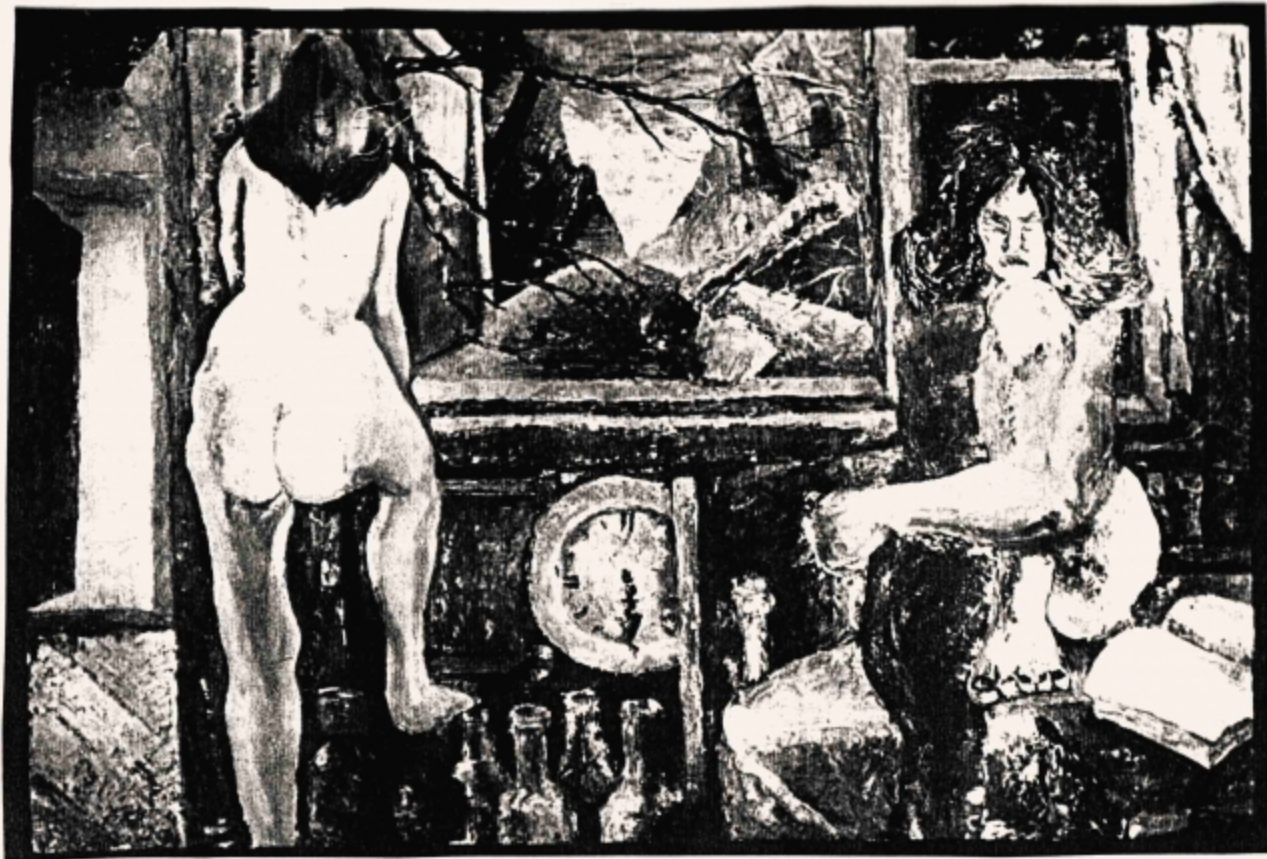
*) Арх. дух. деп. № 402-В.

были совершенно противоположны ожиданіямъ епархіальнаго начальства... Именно при Арсеніи въ Тамбовской губерніи былъ такой случай: въ молоканство сразу сообразилось 649 человекъ.⁸⁰

Въ настоящее время общественныя нравы переиначились и въ недалекомъ будущемъ наша религіозная рознь, вѣроятно, прекратится. Порую въ этомъ намъ служить постепенно усиливающееся народное образованіе въ Тамбовской губерніи, а также и неудержимо нарождающійся новый строй русской государственной жизни.⁸¹

Продолжение следует.

Материал печатается по изданію: И. И. Дубасов "Очерки из истории Тамбовского края", Тамбов, 1888 г.

СЕРГЕЙ БАРАНОВ "ОБЩЕЖИТИЕ УСТАРЕВШИХ СТРАСТЕЙ"

- - -
Ощущаю, как признаки пола,
готовность луга.

Ткань яблока рвется на зу-ах!

Ты есть.

Это место отмечено мной.

Здесь пчела собирает пыльцу.

Здесь дрожащее тело пересекает
пространство любви со вздохом,
запасается вечностью,
касается кровеносных стен

В изголовьи Невидимый
оставил Библию

Утренняя покаянная песнь
петуха

Сергей Бирюков

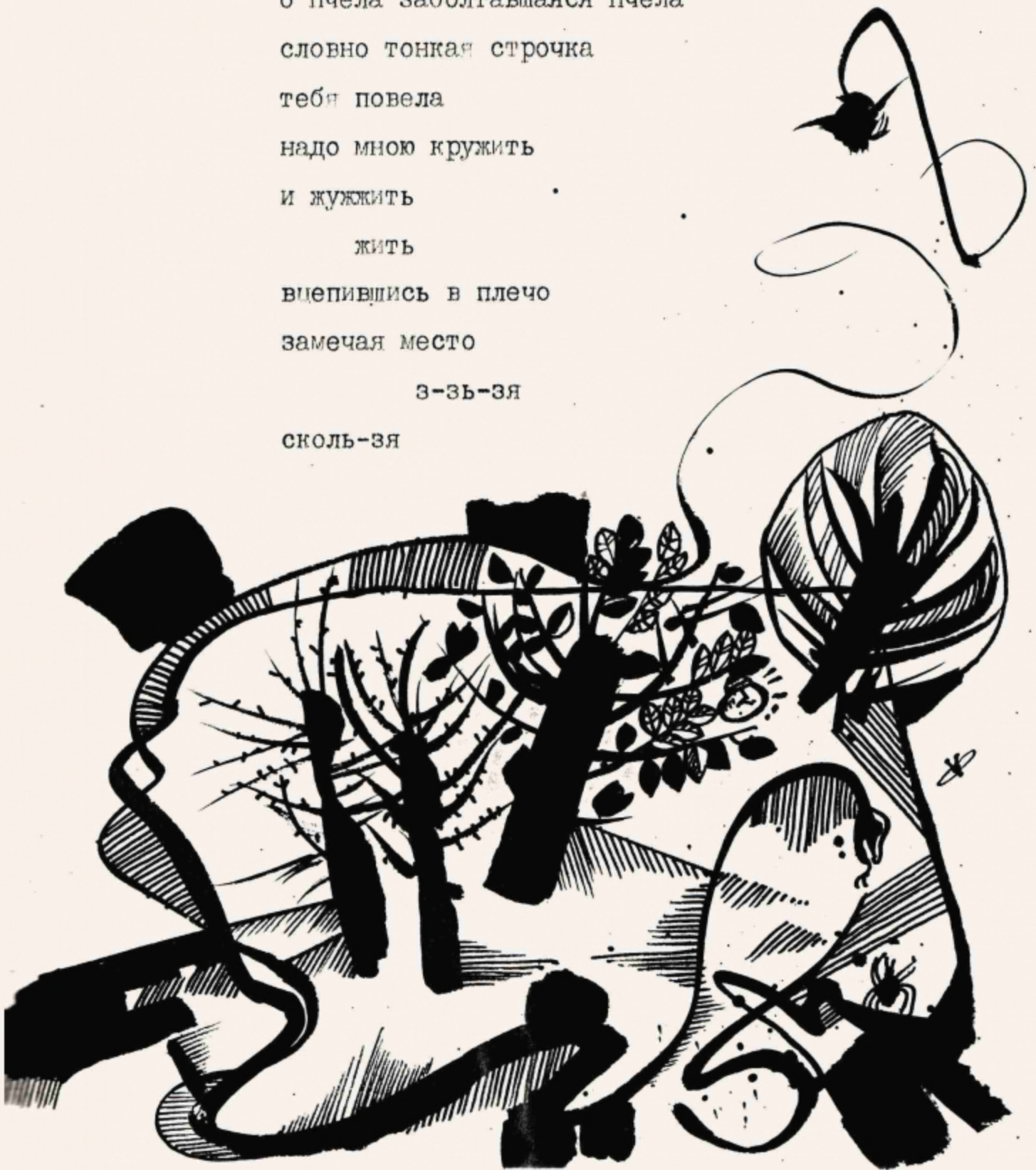
ЗНАК ПЧЕЛЫ

золотистый жуж-жж
знак беспробудной пчелы
неусыпной
жуж-жж-зьзиззз

о Пчела заболтавшаяся Пчела
словно тонкая строчка
тебя повела
надо мною кружить
и жужжить

жить
вцепившись в плечо
замечая место

з-зь-зя
сколь-зя

КАПЛИ

!

О слово:

Камень

и

Капля

=

Сиракузы. Мыслительная операция.

Перевернутая чашка.

Знак окончания

Великого // Чаепития.

!

Нож осторожно прикасается к хлебу.

//

Надрез.

=

Плечо твое оголенное -
источник // Света.

=!

Сама царица Ирония //

без платья

в меру курчавая

легкобедрая...

Что это у нее в руках?

Долька апельсина //

и долька перца.

!

О провинция, ты строга!

Гы-гы-гы!

Га-га-га!

Сергей Бирюков

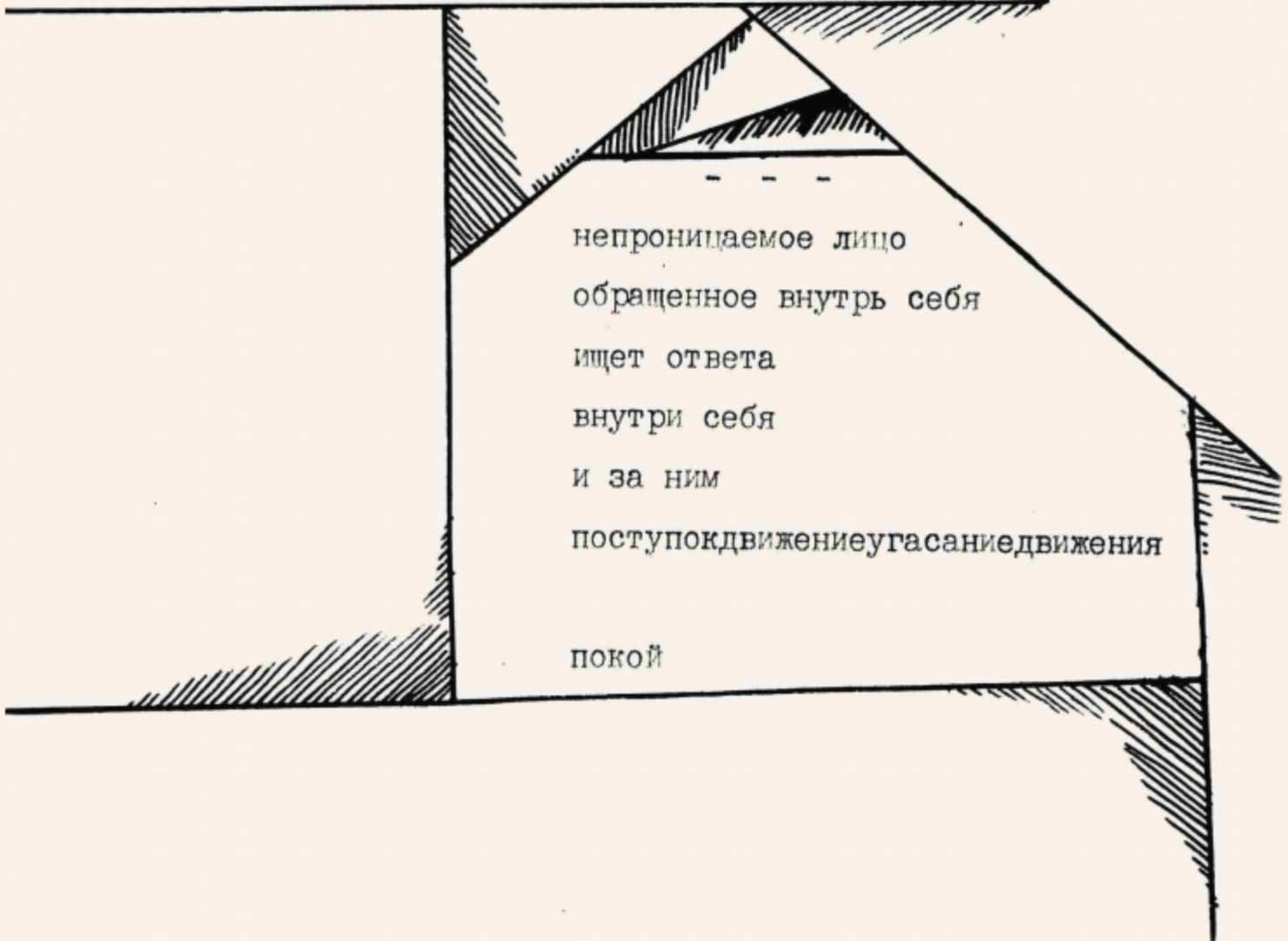
НАДПИСЬ НА КНИГЕ "ПИШУ С НАТУРЫ"

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

голос может сорваться
а душа
жива
и поле ведет в пространство
так
мало

а

терпение трепет тени
неба тяжелый куст
если идти сквозь время
речью рекой уст

непроницаемое лицо
обращенное внутрь себя
ищет ответа
внутри себя
и за ним
поступок движение угасание движения
покой

СЕРГЕЙ БАРАНОВ "ОТСУТСТВИЕ"

Александр Афанасьев

сознание движеньем разлилось
я простираюсь за границы тела
и становлюсь един
как капля с океаном
постигшая подобное проникновенье
и в эту толщу соскользнула рыба
летучая с отливом серебристым
и стала памятью до срока
и ощущением движенья исполнились
разлившиеся капли океана
что пребывает вечно
объемля круг единой жизни
давая знать нам
кто мы и откуда
зачем здесь появились в это время
и что нам должно совершить

быстроногое лето дождями осыпало
свет разливающийся Я

мучительный бал
танец на лезвии бритвы
с завязанными глазами
и босиком
скольжение
лёд у ступней
огненная нить сквозь сердце
возможность стать легче воздуха
светлеет
преображённая форма
не объятая тьмой

ночью выпал первый снег
тяжёлый и мокрый
он растаял при свете
облегчение оборвавшегося маятника
недолговечно
первые такты нового ритма
покрыла память

Ручей.

Далёкий родник питает ручей, текущий по лугу.

Летом его мелодичное журчание зовёт животных и птиц
утолить жажду.

Осенью одинокий странник наблюдает как пожелтевшие
травинки уносит поток.

Зимой ручей послушен голосу ветра, а весной он
вторит пробудившимся силам.

Радость не покидает его, ибо он вместил пустоту.

СЕРГЕЙ БАРАНОВ "В ОЖИДАНИИ ЗОЛОТОГО ДОБДЯ".

РУССКОГО

ИЗ ИСТОРИИ

ПОЭТИЧЕСКОГО

АВАНГАРДА

17 января 1991 года / в день начала войны в Персидском заливе / в Тамбове в зале областной библиотеки состоялся пятый вечер цикла "Из истории русского поэтического авангарда", посвящённый зауми.

Вёл вечер Сергей Бирюков. Его комментарий сопровождал чтение стихов Александра Сумарокова, Велимира Хлебникова, Елены Гуро, Алексея Кручёных, Ольги Розановой, Казимира Малевича, Василиска Гнедова, Ильи Зданевича, Игоря Терентьева, Александра Введенского, Даниила Хармса, Александра Туфанова, Владимира Казакова, Всеволода Некрасова, Бориса Двинянинова, Генриха Сапгира, Игоря Холлина, Ры Никоновой, Сергея Сигея в исполнении Марины Остолоповой, Алексея Неледина, Александра Арфеева и Елизаветы Бирюковой.

О картинах СЕРГЕЯ БАРАНОВА.

А может это как раз тот случай, когда не стоит заполнять сухую искусствоведческую анкету – "В какой манере?", "Колорит его полотен... сюжет..." и т. п.

Оставим споры об эстетике тем, кто усыновил принцип "искусство искусством, а жизнь – жизнью!" и толкается за званиями и ГОНОРаами.

У него же есть одно творческое пространство, где холст плавно продолжен композицией из трёх членов семьи, заключённых в геометрию недавней коммуналки. А цвет голоса дочери и вкус табака подхвачены на мастихин. Я буду приходить и просто смотреть, как Женщина улетает в ночное небо, как вредничают демоны, пизанят дома, кружатся осенние листья. Как заваривается чай и сомнамбулически-мерны движения жены.

Обряд Посвящения быта в творчество. Обряд Посвящения творчества в Бытие. Мистерия.

Так ли это много, так ли это мало?

Н Е О Ф И Т

В н о м е р е :

Отрывок из книги И. И. Дубасова

С. Бирюков. Стихотворения

А. Арфеев. Стихотворения

Оформления номера : А. Медведев

Фоторепродукции : М. Романов

Журнал издаётся с сентября 1989 г.

Тираж 50 экз.

Журнал издаётся на пожертвования
читателей.

"Неофит" № 6 напечатан на средства,
предоставленные Гуманитарным экуме-
ническим фондом Российской секции ПЛ
/ г. Воронеж / .

Адрес для писем и переводов : 392008,
Тамбов, Арфееву А.К. до востребования

При перепечатке ссылка на "Неофит"
обязательна.